

Отвечая на упреки в «неграмматичности», Фет заметил: «Я вовсе не проповедаю грамматического неряшества, но, говоря о поэтической зоркости, даже забываю, что существует перо!» «Неграмматичное», на первый взгляд, сочетание формы будущего времени с наречием *теперь* служит средством создания художественного образа. Сочетаемость нейтрализует различия между одновременностью и следованием. Точка отсчета на временной оси оказывается предельно подвижной, а течение времени — относительным. Резкое темпоральное смещение переводит план будущего, доминировавший в тексте, в план вневременности. Единственной же устойчивой точкой локализации человека в земной жизни становится момент поэтического вдохновения и творчества, длительность которого определяется возможностью сотворчества, приобщения другого — «чуткого» и «благородного» сердца — к тайнам поэзии. В связи с этим интересно распределение в структуре текста форм лица. В первой строфе субъект речи и адресат разделены, что подчеркивается и лексическим контрастом: *холодный прах — жизни май; уснет — настанет*. Во второй строфе уже возникает значение следования, сближающего лирического героя и «деву»: *...и ты за мной уйдешь*. Противопоставление сменяется параллелизмом, причем значение следования усиливается употреблением в сопряженных синтагмах однокоренных глаголов в разных формах времени (*я уходил — ты уйдешь*). Глагол *уйдешь*, занимающий сильную позицию рифмы в финальной строке второй строфы, многозначен. В рамках двустипа он прежде всего выражает значение движения вслед за поэтом в мир *безумных снов и дрожащих напевов*, в контексте же всего стихотворения (с учетом его последней строфы) глагол ассоциативно связан с мотивом будущего совместного «бытия»: *поведем жизнью*¹⁴. Так намечается переход

к последней строфе стихотворения, при этом вновь, как видим, используется прием «изобразительной эллиптичности».

В третьей строфе лирическая героиня уже не «ведомая», ее самостоятельность и творческая активность подчеркиваются употреблением глагола *проверь*, последнего императива в тексте. В этой финальной строфе появляется местоимение *мы* и употребляются формы совместного действия, объединяющие автора и адресата. Одновременно используется слово *оба*, присущее ему собирательное значение подчеркивает максимальное единство разделенных во времени субъекта речи и лирической героини. Таким образом, их «встреча», которая преодолевает и смерть, и роковую власть времени, изображается при помощи разнообразных грамматических средств — не только форм времени, но и форм лица. Преодоление времени и соединение субъекта речи и адресата предполагают постижение и «бессмертья сердечных тайн». Этот мотив находит отражение в сложном образном комплексе *Вневременной поведем жизнью оба...*, для которого также характерна нестандартная сочетаемость. Глагол *повеять* в значении «обдуть дуновением», как правило, употребляется безлично (ср.: *повеяло весной, теплом, ароматом, отрадой*). В стихотворении же Фета мы встречаемся с двусоставной синтаксической конструкцией, где четко определены носители признака. Такое употребление глагольной метафоры актуализирует важный образный смысл — подчеркивает активность деятеля, возвращая ему «жизнь» (см. первую строку стихотворения: *Мой прах*

¹⁴ Мотив совместного полета в вечность — один из сквозных в лирике Фета; ср.: *А счастье где? Не здесь, в среде убогой, А вот оно — как дым. За ним! за ним! воздушною дорогой — И в вечность улетим!* («Майская ночь»); *Окрылены неведомым стремленьем, Над всем земным В каком огне, с каким самозабвением Мы полетим!* («Люби меня! Как только твой покорный...»).